

Менщиков Игорь Самуилович

**НОРМА И ДЕВИАЦИЯ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье рассматривается феномен девиантного поведения в русской деревне. Автор обращает внимание на содержание этого термина и на то, что не все формы нарушения поведенческих норм можно рассматривать в качестве девиации. Не всегда авторы источников XIX в. правильно понимали это обстоятельство, что приводило к отчасти искаженному восприятию крестьянской повседневности. Крестьянская община достаточно эффективно контролировала соблюдение норм поведения. С развитием модернизационных процессов в начале XX века эта функция стала ослабевать.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-2/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. II. С. 137-141. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. Аникст А. А. Оскар Уайльд и его драматургия [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/WILDE/wilde0_1.txt (дата обращения: 30.06.2015).
2. Метерлинк М. Полное собрание сочинений: в 2-х т. Петроград: Издание товарищества А. Ф. Маркс, 1915. Т. 2. 285 с.
3. Уайльд О. Письма. СПб.: Азбука-классика, 2010. 412 с.
4. Уайльд О. Собрание сочинений в одном томе. М.: Астрель, 2010. 1088 с.
5. Французский символизм. Драматургия и театр / сост. В. Максимов. СПб.: Гиперион, 2000. 477 с.

**SYMBOLIST FEATURES OF O. WILDE'S DRAMA
(BY THE EXAMPLE OF CRITICAL ARTICLES AND THEATRICAL PLAYS)**

Markova Anna Sergeevna

*Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov
heterocephalusgraber@gmail.com*

The article is devoted to revealing symbolist features in O. Wilde's drama and is addressed to the artistic and critical heritage of the author. It will allow more precisely correlating Wilde's creative work with the works of his contemporaries in the context of the mentioned artistic trend. This study substantiates the appropriateness of defining the writer's drama as "symbolic" one, allows expanding the circle of its distinguishing indicators. The latter becomes possible as in the critical works by Wilde the focus is made on some phenomena, which were not theoretically substantiated in the works of other authors-symbolists.

Key words and phrases: symbolist drama; theoretical basis; theory of drama by M. Maeterlinck; O. Wilde's criticism; O. Wilde's aesthetics; Wilde's dramas and dramaturgy.

УДК 93(930.85)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается феномен девиантного поведения в русской деревне. Автор обращает внимание на содержание этого термина и на то, что не все формы нарушения поведенческих норм можно рассматривать в качестве девиации. Не всегда авторы источников XIX в. правильно понимали это обстоятельство, что приводило к отчасти искаженному восприятию крестьянской повседневности. Крестьянская община достаточно эффективно контролировала соблюдение норм поведения. С развитием модернизационных процессов в начале XX века эта функция стала ослабевать.

Ключевые слова и фразы: норма поведения; девиация; крестьянская повседневность; традиционная культура; русское крестьянство.

Менщиков Игорь Самуилович

*Курганский государственный университет
ygor@bk.ru*

**НОРМА И ДЕВИАЦИЯ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ©**

Термин «девиантное поведение» пришел из социологии и стал широко применяться в науке. В последние десятилетия феноменом девиации заинтересовались и отечественные историки. Здесь необходимо упомянуть имена М. М. Громыко [3-5], Т. А. Бернштам [2], В. А. Зверева [6], В. Б. Безгина [1]. Основной акцент историки, в отличие от социологов, делают на влияние исторической среды на поведение крестьян, как основной части русского населения в XIX веке и механизмы его регулирования. Основным регулятором, по мнению практически всех авторов, выступает община-мир, которая может выступать как в официальном качестве (сельский сход, сходка, волостной суд), так и в неофициальном (общественное мнение, толки, репутация). Поведение русских крестьян регулировали разные виды социальных норм. Первичным и основным регулятором выступали нормы моральные или, точнее морально-религиозные, закрепленные в коллективном сознании.

Следует отметить, что под девиантным поведением понимается обычно система действий и поступков, отклоняющихся общепринятых норм [6, с. 187]. Здесь необходимо сделать акцент именно на слове «система», которое позволяет отличить окказиональные случаи нарушения норм от регулярных. Обычно выделяют три разновидности девиантного поведения: аморальное или девиантное в узком смысле слова – нарушающее моральные, но не юридические нормы; деликвентное – противоправное, но не нарушающее уголовный закон, проступки носят относительно незначительный характер; криминальное, то есть преследуемые в уголовном порядке. Иногда второй и третий вид объединяют в один. Применительно к исследуемому периоду нас интересуют, прежде всего, первые два вида, поскольку главным регулятором здесь выступала крестьянская община или её представители в волостном суде. Проявления криминального наказывались государственной властью, чьи представления о праве и справедливости могли заметно отличаться от принятых

у крестьян. Юристы, изучавшие обычное право крестьян в исследуемый период, замечали отличие в подходах к определению преступлений и в государственном законодательстве. В подтверждение этого М. М. Громыко приводит слова известного специалиста в данном вопросе С. Л. Чудновского: «С точки зрения юриста-криминалиста, многое нравственное может быть преступным, и не всё, что преступно, должно быть безнравственным; с точки зрения обычноправовых понятий народа, и в том числе алтайского населения, все преступное обязательно безнравственно; все что нравственно, не может быть преступно» [5, с. 95].

Поскольку девиация предполагает наличие нормы необходимо отметить, что эти нормы не были едины для всех. Безусловно, были некие общие моральные и религиозные ценности, которые разделяли все представители русского этноса. Но наряду с этим следует иметь в виду, как справедливо отметила М. М. Громыко, что «социальные слои и малые (контактные) группы имели свои этические традиции, реализовывавшиеся в рамках специфики конкретного этноса» [4, с. 3]. Поэтому то, что в одной социальной или этнической группе считалось нормой, в другой могло рассматриваться как отклонение, левиация. Существовало весьма четкое разделение поведенческих стереотипов по половому признаку [2, с. 204]. Так, например, битьё мужем жены считалось нормальным, а аналогичные действия со стороны супруги рассматривались не только как отклонение, но и как преступление. Показательна в этой связи сказка «Головиха», где рассказывается о том, как некая злая жена не только поколачивала мужа, но и захотела стать сельским головой. Однако она не справилась с исполнением прямых обязанностей – собирать подати. Когда приехал казак как представитель власти и узнал, что подушное не собрано, он отправился искать голову. Баба-головиха умолила мужа спрятать её в мешок. «Казак пришел в избу, да и говорит: “Э, голова-то спрятался!” Давай-ка по мешку-то плетью хлестать. Баба во все горло заревела: “Ой, батюшка, не пойду в головы, не пойду в головы!” Казак отхлестал, ушел, баба перестала головить и стала после того мужа слушать» [7, с. 20-21].

С другой стороны, то, что считалось нормой в один временной период (гадание) резко осуждалось в другое время. Кроме того, существовало противопоставление праздников и будней. Т. А. Бернштам отмечает, что в праздничные дни предписывалась особая одежда, менялись даже манера поведения, общения и приветствия [2, с. 209]. Ниже будет показано это различие.

На самом деле, традиционная культура допускает определенные варианты применения правила или даже возможности нарушения его, следует избегать опасности приписать поведению крестьян некое слепое следование шаблонам. Нередко исследователи народной культуры, особенно XIX – начала XX века, принимали шаблон, идеал поведения за некую непреложную норму. Отсюда возникла тенденция изображать народную жизнь как сплошное нарушение принятых норм, особенно заметная среди «прогрессивной интеллигенции» и некоторых служителей культа в начале XX в. Вторая тенденция, более распространенная – принимать эталонное поведение как доминирующее, единственно существующее. Отклонения от него носили случайный характер и, в основном, объяснялись особенностями отдельной личности. Это создало основу для благостного изображения крестьянской жизни и русской культуры, которая противостояла наступлению городской культуры и «тлетворному влиянию Запада». Поэтому, говоря о социальных нормах и поведении человека, которое они регулировали, следует помнить, что существует «различие (терминологическое и понятийное) между нормой поведения и стереотипом. Нормы упорядочивают поведение; стереотип (шаблон) стандартизирует его... Соединение в одно понятие чревато определенной опасностью: приписыванием стереотипности народной культуры» [4, с. 7].

Отклоняющееся поведение могло носить как отрицательный так и, гораздо реже, положительный характер. К числу проявлений последнего можно отнести распространение грамотности, изменения в одежде и быту, которые стали набирать силу к концу XIX века. Наибольшее сопротивление инновации встречали в среде старообрядцев, процент которых среди русского населения Сибири был весьма высок. Имеются упоминания о том, как матери и отцы рубили топорами «мирскую одежду» своих дочерей, запрещали употреблять в пищу картофель, чай и т.п. Однако, конечно, не все представители староверов так строго отстаивали «заветы старины» [7, с. 27].

В большинстве своем примеры девиантного поведения среди русских крестьян носили, как правило, антиобщественный характер. Как уже говорилось, в основе взглядов русских крестьян на мораль лежали христианские представления. Вместе с тем, народная этика допускала во многих отношениях значительные послабления и даже отклонения от предписаний церкви. В этих случаях отклонения являлись скорее нормой. Они были ограничены во времени и пространстве и тем самым контролировались обществом. В связи с этим можно упомянуть разгул на масленицу и т.п. Имело место ритуальное пьянство на свадьбе, престольных праздниках, ритуальные драки [6, с. 194]. Допускалось, как будет показано ниже, достаточно свободное отношение полов на праздниках, вечерках и в иные установленные дни. В остальное время это осуждалось и вызывало санкции со стороны семьи и общины.

В разряд девиантного, как казалось бы, должно относиться поведение молодежи во время различных увеселений и игр в весенне-летний и зимний период. Многие элементы этого поведения сохранили рудименты дохристианского общества у русских. Но сами участники этих действий едва ли осознавали древний их смысл. Нередко именно эти элементы шокировали исследователей, не всегда хорошо знакомых с крестьянской повседневностью.

Остановимся на тех чертах, которые производят впечатление отклоняющегося от принятых норм поведения. Здесь следует еще раз сказать, что при определенных обстоятельствах традиционная культура не только допускала, но предписывала нарушение установленных норм, т.е. эти нарушения сами становились нормой. Примером тому могли выступать посиделки девушек, к которым потом присоединялись подруги и друзья. Вопрос об отношениях полов во время таких посиделок-вечерок и после них довольно скользкий и спорный. Есть весьма серьезные основания для предположения о вольности нравов. Ряд историков и этнографов склонны поддерживать эту точку зрения, например Ю. К. Семенов. Он видит в этом пережитки

древних норм поведения и ритуалов, связанных с культом плодородия: «Но, пожалуй, наибольший интерес в рассматриваемом плане представляют деревенские вечеринки, которые в русской деревне в определенное время года бытовали почти повсеместно. Везде посиделки были собраниями женской молодежи, на которые, как правило, в дальнейшем являлись парни» [8, с. 42-43]. Он пытается доказать, полемизируя с М. М. Громыко, что практически на всей территории проживания русских после таких посиделок начинался «свальный грех» и присутствовала полная свобода в отношениях полов [Там же, с. 44].

Сходных позиций придерживается и другой видный историк и этнограф Т. А. Бернштам. Она полагает, что и летние, и зимние формы общения молодежи имели две части. Первая, открытая, хорошо описанная в источниках как игры и развлечения русской молодежи. Вторая, закрытая, на которой присутствовала большая свобода общения между парнями и девушками, в контексте которой поцелуи кажутся невинной забавой. Так, в частности, она приводит данные о том, что когда на вечерку являлись парни, атмосфера приобретала явно эротический характер. Парни садились на колени к девушкам, обнимали их, целовали. С обеих сторон сыпались нескромные остроты и шутки. Очень часто парни и девушки разбивались на пары, или их так разбивали специально выделенные лица. В некоторых деревнях парни и девушки ложились спать до утра, причем чаще всего опять-таки попарно. Она приводит многочисленные свидетельства из разных регионов России в подтверждение пересказанной нами мысли: «на посиделках ведут себя свободно и пары могут исчезать в клеть»; «нравы (на посиделках и супрятках – прим. автора – Т. Б.) просты и девушки в 16 лет могут потерять невинность» и т.д. [2, с. 256-258]. По мнению Т. А. Бернштам, во время разного рода вечеров и посиделок отношения между молодежью носили весьма вольный характер. Как правило, они заканчивались так называемыми «гасками»: тушили лучину и начинался свальный грех. Приводит она, в частности, свидетельства корреспондента из Вологодской губернии, который указывает, что во время таких оргий внимание особо не обращалось даже на степень кровного родства. [Там же, с. 258]. Также она приводит свидетельства существования оргиастического нападения во время бартин или братчин в северных губерниях Российской империи даже во второй половине XIX века [Там же, с. 227-228].

Напротив, М. М. Громыко обоснованно настаивает на том, что внешне указанные формы поведения и общения могут выглядеть тем, чем на самом деле не являлись. Она справедливо замечает, что многие авторы смотрели на эти действия с позиций стороннего наблюдателя, не зная сути отношений внутри русской деревни. В этом случае они действительно выглядят более чем странными. Она обращает внимание на то, что все указанные увеселения, включавшие довольно близкие отношения между юношами и девушками, проходили с согласия и одобрения родителей и общины [4, с. 230]. Это же подтверждают практически все источники. Поэтому, замечает М. М. Громыко, ссылаясь на авторитетные исторические свидетельства, следует избегать поспешных суждений. Хотя развлечения проходили с озорством и сопровождались грубоватыми шутками и нескромными остротами, «религия и опыт выработали для крестьянина самый строгий взгляд на нравственность девушки» [Там же]. Именно религиозный фактор оказывал решающее воздействие на мнение представителей молодого поколения. «В основе твердости позиций крестьянской молодежи лежала вера, понятие о грехе. Верили, что за совершением греха следует возмездие не от людей, а от Бога. Ведь каждый парень и девушка регулярно исповедовались перед причастием, каялись в совершенных грехах, даже в греховных помыслах» [3, с. 231]. Существовало глубокое убеждение, что даже за тайно совершенный грех неизбежно последует Божия кара, причем даже за грехи родителей [5, с. 425]. [3, с. 329]. С этой точкой зрения трудно не согласиться. Наряду с «внутренним тормозом» у молодых людей существовал и внешний сдерживающий фактор – общественное мнение. «Довольно высокая степень откровенности в выражении влечений молодых людей двух полов, соленые шутки, грубоватые и подчас нескромные ласки – все это вполне органично входило в крестьянские представления о дозволенном (давало естественный выход сексуальному напряжению), но при этом общественное мнение одобряло постоянство пар и сохранение определенного предела в степени близости, за который переступали, как правило, лишь после свадьбы» [Там же, с. 331].

В качестве подтверждения этого теоретического положения можно привести описание весьма любопытного и сложного явления – «ярмарки невест» в селе Чернавском, Курганского уезда Тобольской губернии, которая бывала на Афанасьев день (18 января). Она была повсеместно известна именно как «ярмарка невест» поскольку в её основе сохранялся обычай выбирать женихов и невест. В село съезжались люди, нередко – купцы, за несколько сот вёрст. После обеда женихи становились по одну сторону улицы, невесты – по другую и стояли, щелкая семечки или кедровые орехи, часов по двенадцати дня. После этого все расходились по своим квартирам. Позже приглянувшиеся друг другу парочки сходились и угощали друг друга, а затем катались на лошадях, причём девушки и парни раздельно. Первые во время катания сидели молча, вторые – орали и пели, стараясь перекричать друг друга. Просватанные невесты накалывали поверх одежды цветы. Богатые женихи и невесты ехали на тройках, в санях, крытых коврами, бедные запрягали в сани по одной-две лошади или вовсе ехали верхом. Всего в этом катании принимало участие 300-400 саней, которые двигались вокруг села. Вечером катающиеся расходились в заранее откупленные дома или по знакомым на вечерки. Там уже осуществляется выбор, складывались пары. Нередко парень садился на колени к девушке, либо наоборот. Парень, выбрав себе девушку, выводил её на середину избы, их окружала другая молодежь и пела песню «Качу кольцо золотое»:

«Качу кольцо золотое – со брильянтами..
Подойдет он к ней близехонько
И поклонница ей столь низехонько
И поцелует её милехонько».

Причем парень должен все это выполнить: подойти близехонько, поклониться и поцеловать милехонько. Одна пара сменялась другой, а иногда несколько пар становились вместе. Веселье продолжалось всю ночь до рассвета, после чего счастливые парочки расходились. Здесь налицо эротический мотив всего поведения молодежи, который нарастал к ночи. Но, тем не менее, главная цель всего этого большого спектакля – заключение брачного союза, а не вступление в половую связь (хотя последней не стоит исключать). Так или иначе, И. Я. Трофимов завершает свое длинное описание этого события словами: «После этого засылаются сваты к родителям невесты» [10, с. 19-20].

Сходным образом имели место «странности» в поведении молодежи и в другие отрезки года. Так, например, зафиксированы случаи ритуальных бесчинств молодежи на масленицу или на святки. Юноши и подростки могли подпереть дверь или ворота, залить водой или раскидать поленницу. Как правило, совершалось это по отношению к девушке и не носило позорящего характера. Девушки в ответ могли предпринять аналогичные действия. Кроме того, парни наряжались во что-нибудь белое и ходили пугать по улицам прохожих [11, с. 89-90]. Аналогичные проявления озорства отмечались повсеместно на масленицу, когда имели место и ритуальные драки, взятие снежного городка, ряженье и т.п. Эти проявления внешне девиантного поведения были нормой в установленные дни и запрещены в другие, поэтому отклонениям от норм их считать нельзя, это проявления нормы праздника [3, с. 409-410]. Еще более странный обычай «мяться на соломе» наблюдался в начале Великого поста во многих местах Севера России и в Западной Сибири. Как правило, возле бани или на перекрестке расстилалась солома. На ней юноши и девушки кувыркалились и старались побороть друг друга, обязательно на соломе, которая потом приносилась в деревню. Здесь можно наблюдать пережитки древней любовно-аграрной магии, но никак не проявления «свального греха» как могло показаться стороннему наблюдателю [11, с. 75].

В весенне-летний цикл праздников (от Пасхи до Троицы) основные увеселения переносились улицу. Они так и назывались «улица», «хоровод», «карагод» [3, с. 345]. В это время допускалась большая свобода общения между полами, особенно среди молодежи, устраивались различные игры, как правило, возле села или на берегу реки. Порой увеселения сопровождалась, как указывает И. Я. Трофимов, переодеванием: в семик девушки переодеваются «мальцами» и идут завивать березу. В этот день собирают яйца и жарят их в поле, поют одни и те же песни [10, с. 25-26]. В. П. Федорова приводит воспоминания их участниц и указывает, что такие формы развлечения и общения существовали вплоть до Великой отечественной войны. Во время этих «полянок» даже среди консервативно настроенных старообрядцев допускались «гулянья парочками»: юноша и девушка могли удалиться в лес «рука в руке» и вернуться, держась за руки. Разумеется, ни о каком «плотском грехе» не могло быть и речи, разве что как о весьма редком исключении. Здесь мы видим примеры допустимой формы общения между представителями молодежи, которая не допускалась в повседневной жизни. «В другое время такие вольности не допускались», – отмечает исследователь [11, с. 75].

Таким образом, для того, чтобы признать наличие «двойных стандартов», двойной морали применительно к указанной проблеме, у нас имеется весьма мало оснований. Семья и община эффективно регулировали нарушение поведенческих запретов. Наказания носили не только позорящий характер, но имели материальные последствия: семья с дурной репутацией грозило выделение худших участков и угодий, с ними отказывались вступать в семейные отношения. Страх перед Богом, семьей, односельчанами удерживал многих от того, чтобы переступить запретную черту. Случавшиеся на таких вечерках казусы носили достаточно редкий характер и были примером действительно отклоняющегося от принятых норм поведения, но никак не негласно принятой нормой. Нормы, регулировавшие поведение молодежи действовали, нарушение их наказывалось, морально или даже юридически на основе писаного или обычного права. А. Смирнов приводит как общую моральную максимум следующую фразу: «В дурной славе девушки отцу и матери – бесчестье, роду-племени укор» [9, с. 69].

Наличие свидетельств о нарушении норм морали и даже увеличение их количества к началу XX века показывает, что они по-прежнему рассматривались как отклонения, и традиционная культура пыталась сопротивляться им. Если бы эти явления были нормой, о них бы так много не писали и не говорили (как сейчас никого не удивит так называемым «гражданским браком»). Вероятно поэтому, о нем и не говорят, а просто вскользь упоминают: «гражданская жена такого-то». Ни исторические, ни этнографические источники не подтверждают тезиса о свободе половых отношений в русской деревне. Единственное место, где любители поискать «клубничку на русской березке» смогут найти желаемое – это села, расположенные рядом с крупными промышленными центрами [6, с. 192]. В них устоявшиеся нормы поведения давали сбои. Но в целом, можно согласиться с мнением, высказанным, в частности М. М. Громько, а именно: молодые люди, особенно девушки, как правило, строго соблюдали принятые в крестьянском мире России нормы, требовавшие воздержания от половых отношений до брака. Исключения из этого правила были. По мере нарастания кризиса традиционной культуры и традиционного общества в начале XX века их становилось все больше, как будет показано ниже. Однако эти исключения не отменяли правила. Норма оставалась нормой, а нарушения считались нарушениями. Семья, церковь, община пытались, может быть, не очень успешно бороться с ними. Попробуем подкрепить данный тезис конкретными цифрами. Здесь достаточно обратиться к статистике рождений. Так, например, в 1894 г. в Курганском округе зарегистрировано 2190 браков, родилось 11401 детей, из них внебрачных – 314, что составляет 2,75%. Если из этого числа вычесть количество внебрачных детей, родившихся в тот же год в г. Кургане (60 из 708 – 8,47%), то получим 250 человек. Следует также отметить, что некоторые раскольники самым решительным образом отказывались регистрировать браки у «мирских» и, следовательно, их дети тоже попадали в это число. Таким образом, нам следует признать либо высокий уровень контрацепции, либо высокий уровень половой морали [Там же, с. 45].

Во второй половине XIX века проявлениями девиантности существовали, хотя в некоторых случаях они только кажутся нам таковыми. Крестьянская община достаточно глубоко подчиняла себе личность, но, вместе с тем, оставляла возможность для личной инициативы. Община или семья могла контролировать поведение своих членов, а в особых случаях это мог сделать волостной суд, то есть представители той же общины. В начале XX века проявление девиантного поведения (ненормированное традицией пьянство, хулиганство, внебрачные связи, матерная брань) становится все более частым, община не могла справиться с ним.

Список литературы

1. **Безгин В. Б.** Крестьянская повседневность. Традиции второй половины XIX – начала XX века. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. 304 с.
2. **Бернштам Т. А.** Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л.: Наука, 1988. 278 с.
3. **Громыко М. М.** Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 445 с.
4. **Громыко М. М.** Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 280 с.
5. **Громыко М. М., Буганов А. В.** О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2007. 530 с.
6. **Зверев В. А.** Дети – отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири (1861-1917 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. 244 с.
7. **Меншиков И. С., Федоров С. Г.** Девиантное и делинквентное поведение русских крестьян Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX в. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. 260 с.
8. **Семенов Ю. К.** Пережитки первобытных форм отношений полов в обычаях русских крестьян XIX – начала XX в. // Этнографическое обозрение. 1996. № 1. С. 32-48.
9. **Смирнов А.** Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М.: Унив. тип. (Катков и К^о), 1877. 259 с.
10. **Трофимов И. Я.** Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа и г. Кургана Тобольской губернии: к предстоящей в г. Кургане сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в 1895 году. Приложения. Курган: Тип. Н. Г. Зикеева, 1895. 374 с.
11. **Федорова В. П.** Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья. Курган: Курган. гос. ун-т, 1997. 283 с.

**STANDARD AND DEVIATION IN THE RUSSIAN VILLAGE
IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY: THEORETICAL ASPECT**

Menshchikov Igor' Samuilovich

Kurgan State University

ygor@bk.ru

The article examines the phenomenon of deviant behavior in the Russian village. The author focuses attention on the content of this term and the fact that not all the forms of the violation of behavioral norms may be considered as deviation. Not always the authors of the sources of the XIX century understood this circumstance correctly that led to the partly distorted perception of peasant routine. Peasant community quite effectively controlled behavioral norms observance. This function began to weaken with the development of modernization processes at the beginning of the XX century.

Key words and phrases: standard of behavior; deviation; peasant routine; traditional culture; Russian peasantry.

УДК 747.037.3

Искусствоведение

Статья рассматривает миф как значимую идеальную модель, адекватно отражающую сущность дизайн-знания. В этой связи проводится анализ смыслообразующих структур мифа и дизайна, обосновывается изоморфность их принципов функционирования. Автор акцентирует внимание на дидактических возможностях мифа в поэтике дизайн-знания и необходимости включения его в пропедевтическую модель обучения художественно-образному языку дизайна.

Ключевые слова и фразы: миф; модель; субъективность; смыслообразование; структурный подход; изоморфность; поэтика дизайн-знания.

Мереняшева Марина Анатольевна

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

Marino4kaM@yandex.ru

МИФ КАК СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ МОДЕЛЬ ДИЗАЙН-ЗНАНИЯ©

Разделяя взгляды большинства теоретиков на дизайн, как на художественно-композиционное моделирование (ХКМ), смыслообразование, мы убеждены, что для постижения сущности его профессионального языка одинаково важны все формализованные предпосылки наполнения его смыслами: знак, слово, символ,